

ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ В БАЛКАРИИ В XIX ВЕКЕ

INSTITUTE OF MANAGEMENT IN THE BALKARIA IN THE XIX CENTURY

M. Abaeva

Annotation

This article examines the poorly studied issue of the formation of the management system in Balkaria in the XIX century. The problems of the functioning of such governing bodies as the National Tere, the Prince of Tere and Maly Tere and their replacement in the early 40s of the XIX century in Balkaria by the system of bailiffs, and from the second half of the 19th century as a precinct system were considered.

Keywords: National Tere, Princely Tere, Maly Tere, mountain communities, Balkar elders, institute of preaching, institute of district chiefs, Kabardinsky provisional court, Gorsky district.

Абаева Мадина Шамилевна
Аспирант, Северо-Кавказский институт
филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
при президенте РФ, г. Пятигорск

Аннотация

В данной статье рассматривается слабо изученный вопрос о формировании системы управления в Балкарии в XIX веке. Были рассмотрены проблемы функционирования таких органов управления как Общенародный Тере, Княжеский Тере и Малый Тере и замена их в начале 40-х годов XIX века в Балкарии системой приставства, а со второй половины XIX века участковой системой.

Ключевые слова:

Общенародный Тере, Княжеский Тере, Малый Тере, горские общества, балкарские старшины, институт приставства, институт участковых начальников, Кабардинский временный суд, Горский участок.

Балкария в дореволюционное время существовала как союз пяти обществ. В документах Нальчикского округа ее называли пять горских/татарских обществ Кабарды. Такая этнотерриториальная разбросанность мешала консолидации народа и объединению в единый политический организм. Несмотря на это, владельческая знать, сформировала органы управления, которые с небольшими изменениями дошли до начала XX века.

На вершине социальной лестницы в обществах Балкарии стояли таубии, второе сословие представляли уздени, третье – чагары, затем шли карабаши или каракиши и казаки. По определению основоположника балкарской историографии М. К. Абаева "узденями назывались люди, которые имели свои участки земли, собственное хозяйство, даже рабов, но обязаны были служить при таубиях, исполнять их поручения, сопровождать их при поездках и вообще исполнять, так сказать, дворянские обязанности при дворах таубиев". Чагары по словам Абаева, – это то же, что русские крестьяне, принадлежавшие таубиям. Казаки и карабаши – это домашние рабы и рабыни таубиев, они нередко происходили от людей, взятых в плен от неприятеля, украденных и купленных [1, с. 8].

Старейший и достойнейший из таубиев, – пишет М. К. Абаев носил титул Олий и правил всем народом. Истори-

чески засвидетельствованным Олием в Балкарии был Сосран Абаев, мавзолей, которого видел и описал В. Ф. Миллер в своих известных археологических экскурсиях по Терской области. Олию принадлежала верховная власть над всеми таубиями. Верховный правитель имел при себе особый отряд стрелков из среды своих подданных. Каждый таубий по зову Олия должен был явиться к нему с оружием и конем, в сопровождении своих узденов и отряда стрелков. Судя по тому, что Олиями были выходцы из среды фамилии Абаевых, можно полагать, что власть Олия передавалась по наследству от отца к сыну [2, с. 107].

Но единовластие Олия в военное время, ограничивалось в мирное время народным собранием и народным судом – Тере. Этот суд был органом административного, гражданского и уголовного управления, проходившего под председательством Олия. Таким образом, Тере выступал как управленческий орган при верховном правителе – Олие. На Тере заседали представители от таубиев, узденей, а при разборе крестьянских дел – и от чагаров. На заседаниях Тере разбирались и решались окончательно все гражданские, военные, уголовные дела и решение тере утверждалось Олием [3, с. 152]. Как сообщает Абаев М. К. после принятия ислама в Тере присутствовал и духовный судья – "кадий", который в основном записывал и вел документы на арабском языке.

Решения Тере и распоряжения Олия, в рамках этого решения исполняли все, не исключая и таубиев, и узденей. О решении Тере оповещали всех, так называемые глашатаи, – бегеули, состоящие из простых людей.

Для обсуждения особо важных вопросов, и в особенности в тех случаях, – пишет М. Абаев, – когда кто-нибудь из таубиев начинал выходить из повиновения и нарушать постановления Тере, верховный правитель – Олий созывал на сход все население и решение народного собрания тут же приводилось в исполнение.

Требования предстать перед Тере предъявлялись и к нарушителям общественного порядка и обычного права, бытовал даже термин "Предстать перед Тере. Без решения народного собрания считалось предосудительным наказывать своего обидчика. В тех случаях, когда совершался поступок, не предусмотренный обычным правом, его тщательно разбирали на Тере и если находили нужным, то узаконивали этот обычай. Таким образом, Тере являлся и верховным юридическим, законодательным учреждением. Подобные собрания и суды существовали в каждом балкарском обществе – в Чегемском, Урусбиевском, Хуламо–Безенгийском. Но главный, верховный Тере собирался в Верхней Балкарии, на котором решались общенародные вопросы войны и мира, границ, укрепления дружественных отношений с соседями и др.

Рассматривая институт Тере считаем возможным, отметить этимологию этого термина. Термин Тере происходит от тюркского слова "тер", что в переводе означает "почетное место" для гостя у домашнего очага. В орхон–енсейских надписях VII – VIII вв. Тере употребляется в значении "закон", "обычай" или в значении "объединенная законом народная масса". Исследователь лексикологии тюркских языков Р. Г. Ахметьянов писал: слово тере, терю – закон; правило, правление; учение; судебное разбирательство есть во всех тюркских и монгольских языках... Значение лица (царевич, принц; знатный, видный; исправник, судья) распространено в западных тюркских языках. Это измененное значение сохраняется и в карачаево–балкарском языке (теречи – член Тере, судья) [4, с. 38].

Согласно данным устных этноисторических материалов на раннем этапе деятельности Халкъ Тере местом проведения заседаний был Тебен Буруу Аллы – район нынешнего Аушигера. Затем общинный парламент был перенесен в местечко Огъары Буруу Аллы – поляна у въезда в Кашхатау [4, с. 36].

Выборы в Тере проходили один раз в семь лет и отличались высокой демократичностью. Каждый аул предлагал пять или семь наиболее достойных людей. Кандидатуры тщательно обсуждались на ныгыше (сельская

площадь, где сходились взрослые мужчины для решения общих вопросов) и утверждались решениями сельского схода. Избранники общины выбирали из своей среды одного представителя в общеуцельский совет, или Гитче Тере – Малый Тере, как его называли. Подобные советы из девяти человек в прошлом действовали в Баксане, Чегеме, Большой Балкарии и Хуламо–Безенгийском ущелье. В свою очередь Малый Тере на демократических началах выдвигал одного теречи в Халкъ Тере – Общенародный Тере. Таким образом, этот орган объединял самые известные умы и авторитеты общества, "этих верховных охранителей спокойствия и порядка" [5, с. 178].

Существовал также Бий Кенгеш – Княжеский совет. Его еще называли Бий Тере – Княжеский Тере. Он объединял аристократию великих балкарских родов, но решать вопреки Халкъ Тере какие-либо вопросы не мог. Называть его парламентом Тере, все-таки нельзя.

В отличие от Малых Тере, Общенародный Тере не был постоянно действующим органом, а собирался раз в два–три месяца по мере накопления крупных вопросов, общих для всех входящих в союз общин, а также в условиях тревожной военной и политической обстановки. Верховный Тере созывался еще реже: раз в несколько лет или в десятилетие по исключительно важным поводам, которые требовали всестороннего обсуждения и принятия неотложных, решительных мер. В его заседаниях, помимо членов Общенародного Тере, как правило, участвовали представители малых советов, иногда присутствовал по приглашению начальник стражников (мыртазаков) при Тере.

Княжеский совет собирался для обсуждения вопросов, касавшихся лишь самих аристократов, а в нужных случаях, чтобы довести до конца принятые на священном Халкъ Тере решения. В прошлом такие советы были у Абаевых, Балкаруковых, Урусбиевых. Куда по усмотрению князя приглашались и другие лица. Однако власть княжеских династий, отмечают В. Ф. Миллер и М. М. Ковалевский, "не была неограниченной: важнейшие дела решались ими не единолично, а при участии и с совета старейшин" [5, с. 177].

Члены Тере избирались на длительный срок и каждый из них разделял ответственность за судьбу общины и народа. Они знали, что главным критерием, определяющим положение теречи в совете, является благочестие, справедливость и готовность способствовать триумфу истину. Проявление малодушия, других предосудительных действий предопределяло исключение из Тере. По устным преданиям, так поступили в прошлом с Айдаболовым в Балкарии, несмотря на его знатное положение [4, с. 42].

В Чегемском ущелье известны топонимические названия, связанные с Тере. Так, на площади близ аула Уллу Эль сохранились удобные для сиденья камни, которые называют Тере Ташла (камни Тере). В летнее время здесь собирались члены Тере для решения насущных проблем. Обычно совет проходил в часовне Байрым. В этой связи следует возразить Г. Д. Чиковани, отрицающему наличие в Балкарии площадей с обработанными каменными стульями. Как видно, заседания Тере проходили вне территории поселения. Отметив эту особенность на примере осетинского ныхаса, Чиковани замечает: "Место схода третейского суда нельзя было устраивать на самой территории поселения, так как до окончательного решения вопроса ход собрания не оглашался" [6, с. 79]. Сказанное может быть отнесено и к балкарскому Тере.

С 1827 года происходит сближение балкарских обществ с Россией и усиливается политическое влияние Российской империи на балкарские общества, поскольку они были приняты в подданство Российской империей. В 1822 году в укреплении Нальчик А. П. Ермолов создал Кабардинский временный суд, который выполнял административно-судебные функции. Одновременно этот суд стал институтом, через который осуществлялась трансляция распоряжений российских властей на территорию, на которой проживали жители пяти горских обществ Балкарии, вплоть до учреждения там, в 1846 году специального приставства.

Балкарцы крайне редко обращались в Кабардинский временный суд и обходились традиционным судебным разбирательством в своих обществах. Разбор судебных дел был в компетенции старшин общества и эфенди. Однако теперь для исполнения судебных функций они приводились к присяге в Кабардинском временном суде о "правильном разбирании жалоб" и клялись в том, что будут рассматривать все дела "по справедливости, не делая поправки ни по какому случаю и никакому лицу" [7, с. 34].

Представление о необходимости установления приставств для горских обществ Балкарии, подавалось командующему Отдельным Кавказским корпусом еще в январе 1843 года. Это способствовало бы упрочению связей между российской администрацией и балкарскими старшинами. Начальник Центра Кавказской линии полковник В. С. Голицын направил главноуправляющему генерал-адъютанту А. И. Нейдгардту рапорт, в котором просил дать должность пристава балкарского народа, т.к. балкарцы, хуламцы, чегемцы и малкарцы не имеют пристава, "через то затрудняется присмотр за ними центрального управления Кавказской линии". Малочисленность горских обществ позволяла назначить одного общего для них пристава. Инициатива начальника центра Кавказской линии получила одобрение высокого началь-

ства. Однако назначение специального пристава "балкарских народов" фиксируется по архивным документам только с середины 1846 года. Этот институт закрепил результаты, достигнутые в деле политико-административного освоения Балкарии, и одновременно расширил сферу российского административного влияния.

С 1847 года, отмечает Е.Г. Муратова, ежегодно ассигновалось на "приставство Урусбиевского, Чегемского, Хуламского и Балкарского народов – 300 рублей" [8, с. 190]. В одном из предписаний начальника Центра Кавказской линии приставу Балкарских народов за 1846 год была указана одна из задач возложенная на Балкарского пристава: "Старшинам их общества объявить, что они должны спомоществовать Вам искоренять зло и не стараться скрывать людей вредных своими действиями для правительства и собственного спокойствия, обнаруживать противозаконные поступки их и представлять виновных ко мне" [7, с. 35].

Другой задачей, являлась организация местной милиции и выставление в случае необходимости караулов, которые с наступлением холодов в гористой местности заменялись разъездами на проходах, "удобных для хищников и неблагонамеренных" с целью "открывать убежище и уничтожать этих вредных преступников" [9, с. 63].

И наконец, в компетенцию пристава входило осуществление посреднических административно-судебных функций между горскими обществами и кавказской администрацией. Штрафы, взимаемые деньгами или скотом за различные виды преступлений, обыкновенно делились между судьями. Такой порядок, вполне соответствующий традиционным правоотношениям, признавался российскими военными властями вполне справедливым, поскольку судьи несли "общую повинность без пособия от казны". В то же время взимать штрафы за правонарушения можно было только после разрешения начальника Центра Кавказской линии. Пристав должен был перед взысканием штрафов доставить начальнику Центра ведомость "в каком обществе, кто сделал какой поступок, подвергающий его штрафу, уличен ли он, в чем именно, кем, или сам сознался, было ли обсуждено дело старшинами общества, и какое кем наложено взыскание, в каком обществе и кто облачен в права судей для разбирательства дел, рассматриваются ли дела по обрядам или исключительно шариадом, в последнем участвуют ли старшины, или решаются одними эфендиами" [8, с. 195].

В 1857 году в связи с готовящимися изменениями на Кавказской линии все Балкарские общества и Дигория оказались под начальством одного пристава – штабс-капитана В. Масловского. В своем прошении Генералу Грамотину жители балкарских обществ указывали, на то,

что разбор междоусобных дел и удовлетворение обиженных затягивалось на три – четыре месяца пока пристав добирался из одного общества до другого. К тому же дигорцы и балкарские общества имели свои оригинальные права и народные обычаи, что затрудняло решение дел. Поэтому жители Черекского ущелья просили назначить в свое общество "особого пристава", а его помощником – балкарца, который знал бы их обычаи. Со временем институт приставства трансформировался сначала в должность управляющего Балкарией, а затем в институт участковых начальников.

Конец 50-х годов XIX века ознаменовался значительными изменениями в административной политике. Согласно высочайше утвержденному 10 декабря 1857 года положению Кавказского комитета вместо Центра Кавказской линии был образован Кабардинский округ и создано несколько участков. В его состав вошли Большая и Малая Кабарда, а также "приставство урусбиевского, балкарского, чегемского и хуламского народов" [7, с. 36]. Балкарское, Хуламское и Безенгиевское общества вошли в Чегемский участок, Чегемское и Урусбиевское в Баксанский [10, с. 59]. Дела, касающиеся горских обществ, находились в компетенции управляющего Балкарией и горским народом майора Коноплянского.

29 декабря 1859 года начальник Кабардинского округа обратился к начальнику штаба войск Левого крыла Кавказской линии с рапортом о необходимости создания наряду с Баксанским (народонаселение Атажукинской и Мисостовской фамилии) и Черекским (народонаселение Бекмурзиной и Кайтукиной фамилии) участками, третьего участка округа – Балкарского, который "будет состоять в настоящем его виде из обществ Балкарии, Безенги, Хулама, Чегема и Уруспия". Однако формально до 1866 года (создания специального Горского участка в составе Кабардинского округа) это предложение осуществлено не было. Все преобразования, происходившие в период с 1857 по 1859 год, носили, временный характер.

В 1866 году учитывая значительную удаленность пяти горских обществ Кабардинского округа от его административных центров и учитывая топографические трудности в сообщении плоскостной части с горной в течение восьми месяцев, приказом Главнокомандующего армией великого князя Михаила Николаевича от 28 августа за №80 Кабардинский округ был разделен на четыре участка с вновь образуемым Горским участком. В него вошли пять обществ: Балкарское, Безенгиевское, Хуламское, Чегемское и Урусбиевское. Остальные три участка остались в прежних границах, с "отделением от Баксанского и Черекского участков поименованных обществ, для образования Горского участка". Его административным центром был выбран Хулам [9, с. 86].

Образование Горского участка – это один из результатов реализации "этнического принципа", положенного в основу "военно-народного управления", когда контуры административных границ приближались к очертаниям границ этнических. "Народный", этнический принцип, положенный в основу административно-территориального деления Северного Кавказа в 1865–1870 годах, привел к тому, что "в регионе впервые возникли административные границы, легитимные прежде всего для российской государственности. Новые этнические границы также появились по праву сильного, но теперь они сопровождались административным, государственным оформлением. Административное оформление территории этнически идентичных, но "отдельных" балкарских обществ, безусловно, способствовало их консолидации и формированию национального самосознания.

Новые административно-судебные преобразования в Терской области, затронувшие управление горскими обществами, были связаны с Положением об управлении сельскими (аульными) обществами. Положение это было издано начальником Терской области М. Т. Лорис-Меликовым и утверждено 30 декабря 1870 г. наместником Кавказа [11, с. 159]. В соответствии с этим положением был создан Нальчикский горский словесный суд, состоявший из двух отделений – кабардинского и балкарского. Кабарда и Балкария были включены в состав Георгиевского округа, а с 1875 года они вошли в состав Пятигорского округа Терской области (просуществовал до 1882 года) [8, с. 264].

В 1882 году в связи с разделением Пятигорского округа на два – Нальчикский и Пятигорский – вновь встал вопрос об изменении границ и состава участков. Кабарда и Балкария остались в составе Нальчикского округа, просуществовавшего до 1920 года, вплоть до создания Горской республики. В 1885 году Терское областное правление рассмотрело вопрос о включении всех балкарских обществ и нагорного селения Хасаут в состав одного административного участка и о распределении административных участков продольной полосой по Главному Кавказскому хребту.

В 1890 году практически все балкарские населенные места были собраны в пределах второго участка Нальчикского округа Терской области и только два пункта с балкарским населением (Хабаз и Хасаут) остались в составе первого участка. Несмотря на административные преобразования 1905 года (в составе Нальчикского округа был образован 4-й участок) и смешанный состав населения участков, основной этнический массив балкарцев по-прежнему оставался в пределах 2-го участка Нальчикского округа. Некоторые балкарские населенные места, образованные в 70-х – 80-х годах XIX века в предгорьях, не имели территориально-

пространственной связи со старыми горскими обществами, хотя в административном отношении они входили именно во второй участок Нальчикского округа.

Таким образом, можно сделать вывод, что в XVIII – первой половине XIX в. Терек был органом административного, гражданского и уголовного управления при верховном правителе Олие. Власть княжеских династий не была неограниченной, важнейшие дела решались

ими не единолично, а при участии и с совета старейшин. С вхождением Балкарии в состав России был установлен институт приставства, который закрепил политико-административное покорение Балкарии, и одновременно расширил сферу российского политического влияния. Административное оформление территории этнически идентичных, но отдельных балкарских обществ, безусловно, способствовало их консолидации и формированию национального самосознания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абаев М. К. Балкария: Исторический очерк. – Нальчик: Эльбрус, 1992. – 40 с.
2. Мизиев И. М. Очерки истории и культуры Балкарии и Карачая XIII – XVIII вв. – Нальчик "Нарт", 1991. – 192 с.
3. Маремшаова И. И. Менталитет в семейных и общественных традициях: Кабарда, Балкария, Карачай. – Нальчик: издательство "Книга", 1999. – 236 с.
4. Миллер В. Ф. Ковалевский М. М. В горских обществах Кабарды // Антология памятников права народов Кавказа. Памятники права Балкарии. М.: ООО Издательство "Перо", 2012. Т. 11. – 464 с.
5. Малкондуев Х. Х. Этническая культура балкарцев и карачаевцев. – Нальчик: Эльбрус, 2001. – 176 с.
6. Чиковани Г. Д. Один из видов площадей народного схода горного Кавказа // Кавказский этнографический сборник. Тбилиси, 1988. Вып. 7.
7. Битова Е. Г. Модели интеграции этнополитических образований Кабарды и Балкарии в политико-административную систему Российской Империи (первая половина XIX в.) // Общественные науки. 2005, № 1. С. 30 – 37.
8. Муратова Е. Г. Социально-политическая история Балкарии XVII – начала XX. – Нальчик: Издательский центр "Эль-Фа", 2007. – 420 с.
9. Муратова Е. Г. Балкарские общества на пути от традиций к современности (XVII – начало XX в.). – Нальчик: Каб.-Балк. Ун-т, 2012. – 157 с.
10. Азаматов К. Г. Хутуев Х. И. Мисост Абаев: Общественно-политические взгляды. – Нальчик: Эльбрус, 1980. – 132 с.
11. Кудашев В. Н. Исторические сведения о кабардинском народе. – Нальчик: Эльбрус, 1991. – 192 с.

© М.Ш. Абаева, (madina455s341c913@mail.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

